

Место романа «Звезда и совесть» в творческом наследии Р. Г. Назирова. Предисловие*

Сергей С. Шаулов

Башкирский государственный университет

Неоконченный роман «Звезда и совесть» — первый образец крупной прозы Назирова, публикуемый нами в полном объеме¹. До этого в «Назировском архиве» вышли первые главы «Романа о Пушкине»²), продолжения эта публикация пока еще не получила, так что в предлагаемом номере мы используем относительно новую для нас структуру издания, подчиненную «монографической» задаче максимального представления архивных материалов, связанных с романом «Звезда и совесть», и первоначальных попыток его интерпретации и оценки (поэтому в номере нет традиционного биографического отдела³).

Большинство крупных повествовательных произведений Назирова тем или иным образом варьируют жанровые принципы исторической прозы. При этом «Звезда и совесть» погружает читателя в наиболее далекую историческую эпоху, остальные тексты (мы намеренно избегаем жанровых определений — они не всегда ясны) относятся к Новому времени, VIII — XX векам. Опять же, как большинство образцов назировской прозы, «Звезда и совесть» соотносится с научным творчеством автора, в данном случае, — с исследованиями мифа, научным и преподавательским интересом Назирова к истории религии, а также к его концепции философии истории. Итоговым трудом, соединяющим в себе эти линии творческой биографии Назирова, является, по всей видимости, написанная в конце XX века и изданная посмертно книга «Становление мифов и их историческая жизнь»⁴. «Звезда и совесть», датируемая серединой 1970-х⁵, вполне может оказаться хронологически первым крупным результатом развития этих интересов. Сама по себе возможность проследить растянувшийся на целую треть века интеллектуальный и творческий путь уже заставляет отнестись к публикуемому тексту со всей серьезностью и — по крайней мере для редакции «Назировского архива» — закрывает вопрос о необходимости / возможности обнародования это художественного опыта.

*Статья подготовлена в рамках научных проектов РГНФ № 15–14–02001 и № 16–04–02008

¹Материалы этого номера журнала «Назировский архив» подготовлены в рамках проекта РГНФ № 16–14–02008.

²См.: Назировский архив. 2014. № 4. С. 7–58.

³С другой стороны, отчетливо мемуарные ноты слышатся в обсуждении романа, стенограмму которого мы публикуем в этом номере; вполне можно полагать, что и сейчас мы не обошли личность и биографию Назирова положенным вниманием.

⁴Назирова Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2015.

⁵О датировке «Звезды и совести» см.: Зарипов А. Р. Роман Р. Г. Назирова о Христе: степень завершенности и творческая история текста // Назировский архив. 2014. № 4. С. 157–158.

В определенном смысле новой для нас стала и текстологическая задача, связанная с этой публикацией. С одной стороны, устройство архива таково, что у нас не было необходимости сортировать материалы, в поисках относящихся к роману документов: роман «Звезда и совесть» со всем своим «конвоем» собран в одной папке, состав и порядок документов в которой носит осмысленный и, по нашим представлениям, авторский характер.

Папка № 89 на титульной обложке имеет надпись: «Звезда и совесть. Материалы и размышления». Внутри папка содержит три очевидно отдельных друг от друга части:

1. Папка листов А4, завернутая в оберточную бумагу, также имеющая собственную надпись: «Etoile⁶ et Conscience». Больше нигде в папке название романа на французский не переводится; остается предположить в этой помете игровую дань автора собственной галломании, хорошо известной его ученикам. Внутри находится машинопись пролога, рукописи первых восьми глав романа (причем, каждая из них представляет собой отдельную небольшую пачку, завернутую в закладки к этой главе)⁷ и сравнительно небольшой фрагмент одной из предыдущих редакций⁸.
2. Россыпь заметок к роману и фрагментов предыдущих редакций, среди которых выделяются две тетради (под литерами «2» и «3»), содержащие большой связный текст, видимо, дающий наиболее полное представление о предполагаемом сюжете романа.
3. Помещенные на дне папки справочные и исторические материалы:
 - вырезки из польских и русских научно-популярных журналов и книг;
 - карты античного Средиземноморья и Ближнего Востока;
 - советская брошюра о неврозах⁹;
 - сделанные еще школьным почерком¹⁰ конспекты учебников и книг по древней истории и даже, например, такие документы, как «Тетрадь по истории ученика 6 «А» класса 18-й семилетней мужской школы Назирова Ромэна».

Таким образом, в папке сохранена относительно завершенная начальная часть романа, фрагменты нескольких черновых редакций и некоторая часть подготовительных материалов.

Первые текстологические наблюдения над романом были сделаны А. Р. Зариповым¹¹. В частности, он указывал, что так называемые «готовые главы» романа на самом деле

⁶Такое написание слова использует Назиров.

⁷См. в разделе «Заметки к роману» фрагменты №№ 23–43.

⁸См. «<Проповедь Иоханана>» в разделе «Фрагменты ранних редакций».

⁹Бамдас Б. С. Неврозы (лечение и предупреждение). М.: Медгиз, 1963.

¹⁰О типах почерков Назирова см.: Орехов Б. В. Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 146–149.

¹¹См.: Зарипов А. Р. Указ. соч. С. 156–159.

не являются целиком его последней редакцией. Если следовать устоявшимся представлениям о творческом процессе Назирова¹², то полностью соответствующим последней авторской воле может быть признан только машинописный «Пролог», предшествующей ему редакцией надо считать рукопись первых восьми глав на листах А4, а содержимое тетрадей тогда следует отнести к более ранним стадиям истории текста. С этой точки зрения, перед нами три редакции — машинописная, рукописная и «тетрадная». Есть, впрочем, и другие важные нюансы.

К примеру, рукописных редакций было несколько: сохранились фрагменты предшествующей рукописи с директивными рабочими записями («переделать», «убрать», «сократить» и пр.), результаты которых очевидны в сохранившейся рукописи. При этом машинописный «Пролог» с минимальными отличиями совпадает с фрагментами рукописного, что позволяет до некоторой степени отождествить две эти стадии работы Назирова над романом; редакций в этом случае остается только две: машинописно-рукописная (пролог + первые восемь глав) и «тетрадная».

«Тетрадная редакция» представлена двумя ученическими тетрадями, помеченными номерами «2» и «3». Тетради № 1 в папке не обнаружено. Очевидно, она была изъята из нее автором, после того, как творческая нужда в ней отпала. При этом действие в сохранившейся тетради № 2¹³ начинается с главы, помеченной номером «VII», которая сюжетно соответствует третьей главе последней редакции. Видимо, уничтоженная автором тетрадь № 1 содержала более обширную экспозицию, занимавшую большее количество глав, чем это получилось в итоговой машинописно-рукописной редакции. В предлагаемой публикации мы устраним этот сбой нумерации, и именно здесь подходим к наиболее спорному текстологическому вопросу.

Надо сказать, разница между двумя этими «машинописно-рукописной» и «тетрадной» редакциями на самом деле заметна¹⁴. Кроме того, любому филологу известно из университетского курса текстологии известно, что «недопустимо в любом издании смешивать различные тексты, различные слои текста, различные редакции. Сводные тексты, в которых текст якобы восстанавливается в его первоначальном или авторском виде, должны быть решительно отвергнуты»¹⁵.

Не оспаривая неоспоримое, обратим все же внимание на то, что термин «редакция» имеет некоторые семантические различия в применении к авторской и неавторской (например, средневековой, древнерусской) литературе. В последнем случае редакции могут быть отделены друг от друга веками, сотнями и тысячами километров, принципиально разными историческими контекстами и литературно-идеологическими целями книжников-состави-

¹²См.: Орехов Б. В. Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 156.

¹³Публикуется нами отдельно под авторским заголовком, видимо, отражавшим какой-то этап развития замысла, — «Два Иуды (вариант 3)».

¹⁴См. в публикации материалов семинара, посвященного роману «Звезда и совесть», реплику А. П. Власкина, справедливо заметившего противоречия в различных главах.

¹⁵Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М., 2006. С. 137.

телей. Говорить о единстве «авторской» мысли в этих случаях, конечно, не приходится, а идея реконструкции частично утраченного текста действительно оборачивается недопустимым с научной точки зрения «пересозданием» произведения.

Но значит ли это, что реконструкция утраченного или фрагментизированного текста никогда не может быть объективно необходимой и оправданной? Разумеется, — нет¹⁶, и подобные текстологические операции не единожды производились отечественными литературоведами. Приведем два хорошо известных примера: «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Бесы» Ф. М. Достоевского.

В первом случае сложность эволюции авторской мысли и воли привела к необходимости того самого «недопустимого» совмещения «редакций» 1868–1869 (и 1886) годов, откуда берется основной текст, и 1873 года, откуда берется деление романа на четыре части и стилистические правки¹⁷.

В истории «Бесов» сложная издательская судьба текста вступила в противоречие с значительным авторским замыслом, и возникла проблема, решение которой далеко не очевидно. Во всяком случае, и публикация знаменитой главы «У Тихона» в приложениях к роману, и включение ее в основной текст романа одинаковым образом формируют некое «совмещение» редакций, порождающее споры. Неслучайно В. Н. Захаров, под чьим началом издается в наше время собрание канонических текстов Достоевского, ответил в итоге на вопрос «как издавать» таким образом: «Обе редакции имеют право на существование. <...> в журнальной и в книжной редакции, с главой и без главы “У Тихона”». ¹⁸.

Обратим внимание на то, что и в том, и в другом случае речь идет о текстах, опубликованных при жизни, то есть в той или иной степени верифицируемых публично зафиксированной авторской волей (опустим вопросы о степени ее свободы, окончательности, ответственности etc .) В случае же с Назировым мы имеем дело с текстом, степень формальной завершенности которого вызывает вопросы, а авторскую волю можно усмотреть только том, какие именно документы сохранены в соответствующей папке.

Ясно, что папка с французской пометой содержит хронологически последнюю редакцию романа. В то же время эта редакция вряд ли может считаться окончательной, поскольку в папке есть тетрадь № 2, дублирующая ее содержание, но, видимо, сохранившая в сознании автора некую самостоятельную ценность.

Тетрадь № 3 содержит в себе сюжетное продолжение «машинописно-рукописной» редакции, которое больше не дублируется. Очевидная цель ее сохранения — представление дальнейшего развития событий, хотя бы даже в переработанном, недовершенном виде.

¹⁶См., например, выразительную полемику с Лихачевым в следующей статье: Азбелев С. Н. Об узловых темах текстологии (законсервированный ответ Д. С. Лихачеву) // Исторический формат. 2015. № 2. С. 198–215.

¹⁷Мы, разумеется, упрощаем давно описанную проблему; см.: Зайденшнур Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Создание великой книги. М., 1966. С. 382; Кандиев Б. И. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». Комментарий. М., 1967. С. 58 и далее.

¹⁸Захаров В. Н. «Бесы»: два романа, как издавать // Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М., 2013. С. 352.

Кроме того, материал распределен по тетрадям, не механически, а согласно плану, предусматривавшему деление романа на части¹⁹. В предлагаемой публикации мы это деление не воспроизводим, поскольку на него нет указаний в последней редакции, однако учитывать его при осмыслении романа, вероятно, нужно.

Почему Назиров не закончил свою работу — вопрос праздный. У нас, во-первых, нет фактов, которые могли бы пролить свет на эту проблему. Во-вторых же, применительно к назировскому архиву интереснее был бы вопрос, почему некий художественный текст все-таки получил завершение. Дело в том, что ни один известный нам (то есть прочитанный, а не существующий только в строке описи) крупный прозаический текст Назирова не доведен автором до стадии, которую можно было бы считать окончательной. Таких текстов, между прочим, в 2016 году стало гораздо больше, чем раньше:

1. Роман (повесть?) «Охота на человека». Обширный, сохранившийся в нескольких редакциях, но не сведенный в окончательный вариант текст из истории французской революции и наполеоновского царствования.
2. «Раздорожье» (или «Неудачный эксперимент») — по всей видимости, не очень удачный эксперимент Назирова в области фантастической прозы, отчасти напоминающий ранних Стругацких. Повесть не окончена, однако сохранились крупные фрагменты нескольких редакций, из которых один, видимо, — почти полный.
3. «Провинциальный часовщик» — неоконченная (просто не доведенная до конца) детективная повесть Назирова. Работа с ней облегчается тем, что она существует в архиве только в одной редакции.
4. «Тайноведы» — повесть, главными героями которой являются Пушкин и Гоголь. В архиве лежит несколько фрагментизированных редакций, содержательно дополняющих друг друга. Замысел этой вещи явным образом соотносится с «Хроникой Александровской эпохи». Возможно, также, что еще одна неоконченная повесть — «Хранитель тайн» — является предшествующей (или последующей) редакцией «Тайноведов». А возможно, — нет.
5. «Отказ от наследства» — историческая повесть из XIX века.
6. «Тысячу лет назад» — попытка повести из древнерусской истории. В архиве сохранена машинопись первых двух глав.
7. «Десять лет русской жизни (1850–1860)». Насколько можно судить по сохранным Назировым материалам, это, скорее, большое беллетризованное эссе, чем полноценная повесть.

¹⁹См. в разделе «Заметки к роману» заметку № 16 «Дальнейший план».

8. Исторический роман «Хроника семьи Початковых», посвященный первой четверти XX века. Сохранилось довольно много материалов, связанных с этим замыслом (по авторскому определению — «эпопеей»), однако степень его завершенности не ясна.
9. Большой автобиографический (?) роман «Далеко упавшее яблоко», сюжет которого разворачивается, по всей видимости, в середине XX века. Папки с ним (их несколько) содержат, на первый взгляд, связный рукописный текст, однако завершающая стадия работы над замыслом у Назирова обычно идет в машинописи. . .

Относительно завершенным (по крайней мере, при беглом взгляде на архивные материалы) выглядит только «Хроника Александровской эпохи» («роман о Пушкине»). При этом сохранившийся в архиве план включает недошедшие до нас или вовсе ненаписанные главы, которые должны были расширить имеющийся в нашем распоряжении текст. Возможно, относительная законченность этого романа — видимость, следствие его мозаичной композиции²⁰.

В жанре предисловия вряд ли уместно большое размышление о поэтике прозы Назирова. Поэтому сформулируем только два соображения, не претендующих ни на безошибочность, ни на эксклюзивность²¹.

Во-первых, неоконченность вполне может быть творческим принципом, который Назиров-прозаик, вполне осознанно (хотя бы иногда) применял. На фоне модернистских и постмодернистских экзерсисов литературы XX века это не выглядит чем-то необычным. Конечно, можно предположить, что Назиров просто не умел завершать свои прозаические опыты (а потому и не решался их печатать). Однако в этом случае объем и количество этих материалов формирует образ неудержимого графомана, знающего, что дописать не получится, но несмотря на это продолжающего бессмысленную деятельность. . . Думается, что представить Ромэна Гафановича в таком образе не сможет ни один лично знавший его человек. Скорее, можно предположить в этой прозе некий эксперимент, художественно проверяющий какие-то идеи Назирова-литературоведа. В этом случае неоконченность и фрагментарность некоторых вещей действительно получила бы объяснение.

Во-вторых, незавершенность «Звезды и совести» — намеренная и иллюзорная. То есть вполне возможно, что по первоначальному замыслу роман так и не завершен. Однако, достигнув некой важной точки, автор остановился, сформировав готовый к восприятию объект. Кстати, такая идея коррелирует с поставленной им задачей «кафкоджойсизации метода Вальтера Скотта»²²; более того, она объясняет и узаконивает даже совмещение формально разных редакций. Впрочем, здесь мы переходим уже от представления издания к интерпретации романа; вернемся лучше в жанр предисловия. . .

Итак, в предлагаемой публикации соединены машинописно-рукописная редакция текста (пролог и первые восемь глав) и вторая половина «тетрадной» редакции (тетрадь № 3). Ав-

²⁰Последнее соображение подсказано Б. В. Ореховым.

²¹Близкие мысли высказывались и некоторыми коллегами во время обсуждения романа.

²²См. в разделе «Заметки к роману» заметку № 19.

торская нумерация в этой тетради начинается с главы XIII; мы в предлагаемой публикации используем сквозную нумерацию глав. Сознавая несовершенство подобной реконструкции, мы тем не менее полагаем, что это — наиболее возможное приближение к авторскому представлению о романе.

Р . S . Позволю себе выйти из связанного жесткими рамками «научности» литературоведческого дискурса и высказать несколько «определенно-личных» мыслей.

Считаю, что Назирова-писателя следует судить «по законам, им самим над собой признаваемым». Ромэн Гафанович относился к своему литературному творчеству вполне серьезно, уделив этому труду не один десяток лет и тщательно сохранив его результаты. Тайна, в которой пребывала большая (и, на мой взгляд, лучшая) часть этого художественного наследия, говорит не о низкой, а о *высокой* ценности этих материалов для автора (что не отменяет знакомой многим писателям специфической неуверенности в себе). Уже одно это соображение заставляет меня воспринимать художественную часть архива Назирова не как «довесок» к его научным трудам, а как вполне самостоятельную ценность (степень этой ценности — вопрос второй; не мне его решать, точнее, — не мне одному).

Не скрою, мне было бы с определенной точки зрения легче и удобнее опубликовать папку № 89 в жанре «материалов к роману»²³. Однако то, что создавалось как литературное произведение, должно, по моему убеждению, получить шанс на жизнь не только в качестве объекта научного интереса. Особенности сохранения материалов к роману искушают возможностью восстановить его в виде целостного текста. Этому искушению я решил поддаться.

С. Ш.

²³Как уже было сделано с недописанной монографией Назирова о «Бесах». См.: Назировский архив. 2013. № 2. С. 6–83.